Санкт-Петербургский государственный университет

Кафедра скандинавской и нидерландской филологии

Дементьева Вероника Анатольевна

Анализ авторских неологизмов в романе Герд Брантенберг «Дочери Эгалии»

Выпускная квалификационная работа

Основная образовательная программа бакалавриата
по направлению подготовки 035700 "Лингвистика"
образовательная программа "Иностранные языки"
профиль "Норвежский язык"

Научный руководитель: К.ф.н., доц. О. С. Ермакова

Рецензент: К.ф.н., доц. Н.А. Пресс

Санкт-Петербург
2016

Оглавление

Введение..... 3
Глава 1. Неологизмы.....6
Выводы по главе 1.....11
Глава 2. Феминитивы в норвежском языке..... 13
Выводы по главе 2..... 19
Глава 3. Использование неологизмов в романе..... 21
3.1 Био-библиографическая справка.....21
Выводы по главе 3. 1..... 23
3. 2 Анализ романа.....25
Выводы по главе 3. 2..... 33
3. 3 Анализ неологизмов в романе..... 34
Выводы по главе 3. 3..... 48
Заключение.....49
Список использованной литературы..... 50

Введение

Настоящая дипломная работа посвящена анализу индивидуально-авторских неологизмов в романе Герд Брантенберг «Дочери Эгалии». В художественных текстах активно используются многие стилистические средства языка, такие как метафоры, сравнения, гиперболы и т.п. Одним из средств авторской выразительности является неологизм (от греч. neos "новый" и logos "слово"). Как и окказионализм, авторский неологизм призван выразить необходимый поэту или писателю смысл, определения которому не нашлось в словаре. В поэтическом языке неологизмы реализуют в полном объёме возможности, данные языком слову. Они становятся носителями индивидуально-авторской семантики. Выступая в тексте точечно, локально или интегрально, парадигматически соединяя разные тексты, неологизмы становятся носителями центральных художественных смыслов - ключевыми словами, являющимися результатом проработки автором семантики произведения.

Роман Герд Брантенберг «Дочери Эгалии» - яркий пример женской литературы, созданной на волне женского движения 70-х годов. Это роман-манифест, который высмеивает патриархальное общество путём описания вымышленной страны Эгалии, где власть и сила находятся в руках женщин, а мужчины занимают угнетённое положение. Чтобы максимально наглядно показать инструменты власти, которыми пользуются мужчины для утверждения своего превосходства над женщинами, Брантенберг «отзеркаливает» существующее в Норвегии того времени социальное устройство, все, казалось бы, незначительные детали, в которых проявляет себя патриархат. Ни один из ключевых для женского движения вопросов не остаётся без внимания – здесь и соотношение полов в профессиональной сфере, и неравное распределение обязанностей по уходу за детьми и

домашним хозяйством, и давление, оказываемое на женщин, которое принуждает их уделять излишнее внимание своему внешнему виду, поскольку именно внешний вид рассматривается обществом как главное качество женщины. Яркая черта романа – это язык, которым Брантенберг пользуется как инструментом для выявления доминирующего положения мужчин в обществе. В процессе работы над романом она создаёт множество авторских неологизмов, которые призваны придавать завершённость изображению матриархального общества. Это названия профессий, положительные и отрицательные характеристики людей, даже имена и фамилии. Именно этот аспект романа является предметом настоящей работы.

За основу теоретической части работы был взят материал, изложенный в работах В. В. Лопатина «Рождение слова. Неологизмы и окказиональные словообразования» и Е. С Кубряковой «Словообразование и его место в теоретической ономасиологии», а так же других работах, посвящённых теории номинации. В качестве теории были привлечены источники на русском и норвежском языках.

Цель работы - показать, как в романе «Дочери Эгалии» отразились социальные процессы 70-х годов XX века, а именно – вторая волна феминизма, именно тогда заявившая о себе в Норвегии. Это немаловажное событие, несомненно, привело к изменению языка, притом многие из тенденций, ставших решающими для современной языковой политики Норвегии в области противодействия дискриминации, были намечены именно в романе, который является объектом данной работы.

Для достижения данной цели были поставлены следующие частные задачи, которые были последовательно раскрыты в структуре данной работы:

1) Изучить соответствующую специальную литературу по теме исследования.

2) Рассмотреть понятие неологизма, дать классификацию типов неологизмов.

3) Дать сравнительный очерк положения феминитивов (лексики, обозначающей женщин) и других языковых средств, направленных на противодействие дискриминации женщин, в русском и норвежском языках.

3) Проанализировать роман, на материале которого проводится исследование.

4) Проанализировать неологизмы, созданные Герд Брантенберг в ходе работы над романом, а так же провести их классификацию по семантическому принципу и по типу словообразования.

Глава 1. Неологизмы

Язык – не статичное, а динамичное явление, он находится в постоянном развитии и изменении. Новое в общественной жизни активно отражается в лексико-семантической структуре языка. Лексический состав может реагировать на эти изменения по-разному: как при помощи создания новообразований (неологизмов); так и через изменение значения лексической единицы (полностью или частично); а также путем исключения из состава лексики некоторых единиц, причём лексические единицы не исчезают из языка бесследно, а могут перейти из активного словарного запаса в пассивный. Данный процесс носит название архаизации.

Устаревшим словам противопоставлены неологизмы (от греч. neos "новый" и logos "слово"). Словарный запас русского языка обновляется путем появления собственно новых слов.

Неологизмы – «новые единицы лексической системы языка, которые возникли в силу общественной потребности дать имя новому предмету или выразить новое понятие и которые функционируют в речи в качестве готовых, воспроизводимых единиц» [1].

Новые слова создаются и в иных ситуациях: в художественном тексте, ситуации дружеского общения, в речи ребенка, еще не до конца овладевшего лексическим запасом родного языка. Если ребенок делает это бессознательно, то взрослый человек, поэт, писатель сознательно прибегает к словотворчеству, чтобы сделать свою речь более выразительной, или чтобы обыграть богатые словообразовательные возможности языка. Результаты такого словотворчества носят название индивидуальных (контекстуальных, авторских – если речь идёт о художественном произведении) неологизмов , или окказионализмов. Окказионализмы – это лексические единицы, возникновение которых обусловлено определенным контекстом.

1 Брагина 1973: 218

Окказиональные неологизмы создаются писателями и публицистами по существующим в языке словообразовательным моделям и употребляются лишь однажды в определенном произведении.

Неологизм, созданный автором литературного произведения с определённой стилистической целью, обычно не получает широкого распространения и не входит в словарный состав языка. В широком смысле слова неологизм может быть лексическим, словообразовательным. В узком смысле неологизмом называют лексическое или семантическое новообразование. Неоспоримым является тот факт, что всякий неологизм создается автором не просто как лингвистический эксперимент. Основная функция неологизма — показать реципиенту то смысловое намерение, которое вкладывает автор в созданное им слово. Объединяясь в единое целое с фабулой произведения, слова-неологизмы как бы подводят читателя к имплицитно заложенной в тексте информации.

Неологизмы создаются, как уже упоминалось, по существующим в языке словообразовательным моделям, или типам. Такие типы могут быть продуктивными – в случае, если , используя его, всё ещё можно активно создаваться новые слова, и непродуктивным – в том случае, если этот способ словообразования уже вышел из употребления.

В норвежском языке основные способы словообразования - основосложение и аффиксальное словопроизводство. Первый из этих способов наиболее продуктивен, с помощью него постоянно создаются окказионализмы, например, на том месте, где носитель русского языка выразил бы нужный смысл словосочетанием с отдельно стоящим определением.

Обычно в норвежском сложном слове определяемый элемент стоит на последнем месте, а на первом – определяющий. Последний элемент определяет и грамматические свойства всего слова целиком, и относит его к тому или иному классу объектов, а первый (или первые) – уточняют, суживают область значений (так же, как и при выраженном отдельным

словом определении): например, festkake «праздничный торт» – kakefest «праздник с тортом».

Среди сложных слов различают нецельноозначающие, чьё значение составляется из значений их компонентов (bilmotor «автомобильный мотор», kasettspiller «кассетный проигрыватель»), и цельноозначающие, т.е. слова, значение которых не выводится непосредственно из значения компонентов (ordbok «словарь», образовано от слов ord «слово» и bok «книга», kragebein «ключица», образовано от слов krage «воротник» и bein «кость»).

Частотные цельноозначающие слова, как правило, включаются в словари: rumpetroll «головастик», leirdue «мишень-тарелочка», hundekjeks «купырь». Нецельноозначающие слова требуют этого гораздо реже, часто оставаясь в разряде окказионализмов.

Окказионализмами называются сложные слова, создающиеся непосредственно в речи и понятные лишь из контекста. В пример можно привести следующий заголовок: «Høyre vil ta sykkelmakt fra skolene». Смысл слова sykkelmakt (существительное, образованное от sykkel «велосипед» и makt «власть») становится понятен только из следующего за заголовком пояснения: «Høyre vil ha slutt på at rektorene kan nekte barna å sykle til skolen» - «Партия правых хочет забрать у директоров возможность запрещать детям приезжать в школу на велосипеде».

Существуют ограничения на количество слагаемых основ. Обычно сложное слово в норвежском языке складывается из двух, например, julenisse «рождественский гном», реже - трех слов: julegaveliste «список рождественских подарков», причём в последнем случае можно выделить два этапа словообразования. Вначале было создано существительное julegave «рождественский подарок», а затем к нему было прибавлено «liste» список. Первый, двухосновный этап создания данного составного слова гораздо частотнее, чем конечный результат словосложения. Возможно и большее количество слагаемых основ, но подобные слова воспринимаются носителями языка как аномалия. Чаще всего подобные слова – специальные термины, известные немногим носителям.

Основосложение в норвежском языке бывает:

а) без какого-либо соединительного элемента, например, как в случае с уже упоминавшимся существительным bilmotor. Здесь имеет место простое сращение двух слов.

б) с соединительным согласным -s- , к примеру, fornøyelsespark «парк развлечений» от fornøyelse «удовольствие» и park «парк». Данный тип словообразования ранее был позиционно обусловлен, но сейчас имеет тенденцию к постепенному вытеснению другими, в последнее время используется всё реже.

в) с соединительной гласной -e- , например, eggeglass «подставка для варёных яиц» от egg «яйцо» и glass «бокал». Как видим, подстановка данной тематического гласной также позиционно обусловлена и служит для удобства произношения, чтобы разделить два следующих подряд схожих согласных звука.

Однако морфонологические факторы, которыми обусловлена подстановка или отсутствие тематической гласной, пока не получили исчерпывающего объяснения.

В любом случае, при основосложении образуется одно слово, в котором обе/три части должны писаться вместе, в крайнем случае - через дефис. Распространившееся в последние десятилетия раздельное написание частей сложного слова объясняется как слабой грамотностью, так и влиянием английского языка. У образованных норвежцев такое написание вызывает только раздражение.

Основосложение в норвежском – живой и продуктивный способ словообразования. При том, что в словари обычно не попадают окказионализмы, а только те слова, что известны большинству носителей и ими употребляются, даже последних очень много.

К основосложению относят также и аббревиатуры. Наиболее распространены в норвежском языке инициальные аббревиатуры. Инициальными называются такие аббревиатуры, которые составлены из начальных букв словосочетания, например, TV «телевидение», USA «США».

В последнее время получают всё большее распространение морфемные сокращения, то есть сочетания усечённых слов с неусечёнными. Чаще всего такие неологизмы создаются в сферах, связанных с научно-техническим прогрессом, например, elkraft «электрическая энергия» от усечённого elektrisk и неусечённого kraft. К морфемным сокращениям относят также так называемые телескопические слова, у которых первый компонент - начало первого слова, а второй – конец второго, например, motel «мотель» образовано от motor «мотор» и hotel «отель», svorsk «шведско-норвежский язык» - результат сочетания слов svensk «шведский» и norsk «норвежский».

Афиксальное словопроизводство.

Приставки, в принципе, мало характерны для норвежского словообразования. Это не значит, однако, что этот тип словопроизводства в норвежском непродуктивен; другое дело, что он более характерен для книжного стиля и письменного варианта языка.

Используются как исконные, так и заимствованные суффиксы, например, -isme, -ist, -sjon. Для образования прилагательных часто используются все новые элементы, исходно являвшиеся полнозначными словами, которые постепенно становятся полусуффиксами, а затем и полноценными суффиксами, с ростом употребительности утрачивая свое лексическое значение и проходя в этом развитии ряд этапов грамматикализации. Ярким примером этому может служить прилагательное vennlig «дружелюбный», превратившееся в суффикс -vennlig: forbrukervennlig «ориентированный на удобство пользователя», lesevennlig «удобный для читателя», и т.п.

Другие способы словообразования представляют собой неаффиксальное словопроизводство. В норвежском языке оно представлено следующими словообразовательными типами.

Конверсия – переход слова в другую часть речи, например, annerledes (наречие «по-другому» перешло в прилагательное «другой»; feil (существительное «ошибка» перешло в прилагательное «ошибочный»). Это достаточно редкое явление.

Усечение – отсечение части слова. Нередко происходит с нарушением межморфемных границ. Чаще усекается второй элемент: mikrofon – mikk «микрофон», selvfølgelig – seff «разумеется», хотя бывает и наоборот : elektrikk - trikk «трамвай».

Частный случай усечения - стяжение - заключается в устранении среднего элемента, например, oljeboringsplatform > oljeplatform «нефтяная платформа».

Обратное (ретроградное) словопроизводство – это образование сложных глаголов из сложных существительных, второй элемент которых представляет собой отглагольное существительное или причастие (selvbetjening «самообслуживание» > selvbetjene «обслуживать себя самостоятельно», tankeleser «читающий мысли» > tankelese «читать мысли»).

Выводы по главе 1

1. Неологизмы – слова, новые для определённого языка. Они могут создаваться как обычными людьми в повседневной речи, так и авторами художественных произведений для того, чтобы лучше выразить свой замысел.

2. Некоторые неологизмы не закрепляются в языке и используются всего один раз в определённом контексте, вне которого их иногда невозможно понять. Такие слова называются окказионализмами.

3. Самым распространённым способом словопроизводства в норвежском языке является основосложение. По этому типу образуются как окказионализмы, так и полноценные неологизмы, получающие распространение в языке.

4. Кроме основосложения, словообразование в норвежском языке представлено аффиксальным и неаффиксальными способами словопроизводства.

5. Среди аффиксальных способов наиболее продуктивен суффиксальный, причём в языке может происходить процесс грамматикализации элементов сложных слов и превращения их со временем, нампример, в суффиксы.

Глава 2. Феминитивы в норвежском языке

В последнее время в средствах массовой информации особенно часто возникают дебаты, касающиеся употребления так называемых феминитивов. Феминитивы – это сравнительно новое явление, заключающееся в том, что для обозначения женщин по профессиональному или другому признаку активно создаются неологизмы с женскими суффиксами. Смысл этих новых слов феминистки и другие люди, заинтересованные в гендерном равенстве, объясняют необходимостью сделать женщин, их достижения и просто чувства и действия «видимыми» в обществе. Дело в том, что, согласно теории феминизма, наше общество является патриархальным и это его устройство прослеживается во всех без исключения аспектах общественной жизни, включая язык. Он может отражать существующую в обществе гендерную дискриминацию, а также усиливать или даже служить причиной такой дискриминации. Язык используется для передачи не только информации и идей, но также ценностей и чувств. Поэтому язык не нейтрален. Угнетение женщин мужчинами настолько вписано в патриархальную культуру, что язык буквально пропитан им. Это проявляется даже в том, что словарной формой слов, способных изменять род, то есть их родом «по умолчанию» в русском языке является именно мужской род. Большинство названии профессий в русском языке существуют лишь в маскулинном варианте, и, согласно официальной грамматике, глаголы следует согласовывать с ними в соответствии с реальным полом человека, о котором идёт речь.[2] Это правило нередко вызывает затруднения даже у носителей языка, и, кроме того, согласно феминистской теории, такие «нейтральные» названия профессий автоматически заставляют читателя или слушателя представлять себе мужчину, а это означает что женщинам уделяется меньше внимания и в

2 http://new.gramota.ru/spravka/letters/59-rubric-89

результате их меньшей языковой репрезентации создаётся впечатление их меньшей вовлечённости в социально значимые сферы деятельности. Те же профессиональные феминитивы, которые существуют в русском языке – а их немало – зачастую обозначают людей, занятых непрестижным, низкостатусным обслуживающим трудом, например, официантка, домработница, гардеробщица, продавщица. Причем если женщина хочет как-то настоять, что в ее работе есть достоинство и повод для гордости, то она скорее использует слово мужского рода: «я продавец», «я секретарь», «я библиотекарь». Это ещё одна причина, по которой представительницы движения за права женщин считают необходимым более широкое распространение феминитивных названий профессий – для того, чтобы снять стигматизированность с уже существующих.

Стоит отдельно упомянуть и языковой механизм «включенности» в грамматический мужской род: язык предпочитает мужские формы, если имеются в виду лица обоего пола. Например, если в некой группе есть мужчины и женщины, обобщённо их всё равно называют «сотрудники», «учителя», «профессионалы». Мужской род в данном случае отождествляется с общечеловеческим, что не просто отодвигает женщину на задний план – а полностью игнорирует её в картине мира.

Чаще всего феминитивные неологизмы создаются посредством присоединения к слову мужского рода феминизирующих суффиксов, например, «-ка». Вокруг употребления таких неологизмов чаще всего и ведутся споры, поскольку многие носители русского языка воспринимают слова с этим суффиксом как несущие пейоративную окраску. Однако сторонники употребления феминитивов приводят в пример множество уже существующих названий профессий с этим суффиксом, таких как «журналистка», «лаборантка». Данные названия уже закрепились в языке, а поскольку язык не является статичной системой и подвержен изменениям во времени, феминистки полагают, что неологизмы, образованные по тому же принципу, имеют шанс также занять своё место в языке.

Против использования суффикса «-ша», напротив, протестуют сами представительницы феминистского движения, мотивируя это тем, что ранее одним из самых распространённых значений этого суффикса было обозначение жены человека, обладающего определённым титулом.

В русском языке данная ситуация обусловлена тем, что слова приобретают грамматический род в соответствии с их формой, а в языках, где эта связь не безусловна, например, в норвежском, или в языках, в которых нет категории рода, таких как английский, ситуация с феминитивами обстоит совершенно по-другому. В таких языках считается дискриминирующим, напротив, любое указание на пол в названии профессии. Поэтому норвежские феминистки считают правильным употребление так называемых «гендерно нейтральных» названий профессий. Феминитивные суффиксы в норвежском языке на данный момент вышли из употребления и считаются архаичными. С другой стороны, названия многих профессий в норвежском языке образованы с использованием словосложения путём прибавления к некой характеристике слова «mann» (мужчина). В настоящее время наблюдается тенденция, например, заменять в подобных словах «mann» на «kvinne» (женщина), если речь идёт о конкретной работнице, женский пол которой известен, или «person» (человек), если речь идёт о должности в целом. Данный процесс в норвежском языке происходит, в отличие от русского, не стихийно и благодаря деятельности активистов, а на государственном уровне. Ещё в 1978 году в Норвегии была учреждена «Организация по борьбе с гендерной дискриминацией» (Likestillingsombudet), целью которой является содействие равноправию во всех сферах жизни, в том числе и советы по не дискриминирующему использованию языка. Кроме этого, советы в этой сфере даёт и «Языковой совет» (Språkrådet), созданный в 1972 году. Обе эти организации поощряют говорящих на норвежском языке подходить к нему творчески, чтобы отражать изменившуюся реальность, в которой оба пола получили сравнительно равные права. В частности, они советуют в тех случаях, когда указание на пол является лишним, использовать гендерно

нейтральные термины, а если требуется подчеркнуть, что женщины и мужчины вышли за рамки традиционно занимаемых ими должностей, лучше пользоваться гендерно маркированными словами.[3]

Работа над устранением дискриминирующего использования языка в Норвегии развернулась в 1970-е годы на волне нового движения за права женщин. Ключевыми понятиями на заре второй волны феминизма в Норвегии стали эмансипация (раскрепощение) и повышение сознательности женщин– в экономическом, политическом и социальном плане. Самым важным пунктом стало то, что женщины осознали свою ценность как женщин, но вместе с этим отказывались от той социальной роли, которую они были вынуждены занимать ранее. Женское движение проявлялось не только как борьба с внешними, «патриархальными» врагами, но и как борьба с «привидениями» в собственных умах [4]. Каждой отдельной женщине следовало вырваться из плена старого образа мышления. Было важно держаться вместе, и ключевым понятием стал неологизм «søstersolidaritet» (сестринская солидарность). Проводились разнообразные акции, и деятельность движения широко освещалась в СМИ. В это время празднование 8 марта, уже существовавшего дня борьбы за права женщин, получило большую популярность. Женщины обратили на себя внимание общества совершенно по-новому. Слово «женский» стало положительно окрашенным эпитетом для ряда новых понятий: женская культура, женская история, женская литература, женские исследования. В женской борьбе большую роль играли культура и литература. Издавались всевозможные журналы, была основана женская литературная организация. Многие писательницы посвящали своё творчество важным для феминистского движения темам, в 70-е годы было создано понятие женской литературы, написанной женщинами о женщинах и преимущественно также для женщин.

3 http://www.sprakradet.no/sprakhjelp/Skriverad/Kjoenn

4 Engelstad, 1988

Эти тенденции вызвали критическое переосмысление традиционных гендерных ролей. Оно показало, как женщины были пойманы в сети этих ролей (один из известных женских романов той эпохи назывался «Рыба в сети») и осветило попытки вырваться из этих сетей. В общем и целом, главной темой женской литературы 1970-х годов стала борьба женщины за статус «субъекта» в своей жизни.

Среди прочих вопросов, на которые обратило внимание общественности новое женское движение, было то, как язык может содействовать сохранению искажённой модели гендерных ролей. Это направление деятельности с самого момента своего появления и до сих пор нередко подвергается осмеянию, его не принимают всёрьёз, а так же оно встречает резко негативные реакции. Противники изменения языка часто приводили и приводят аргумент, что язык не является чем-то важным, и феминисткам нужно концентрировать внимание на том, чтобы устранять действительно важные проявления угнетения женщин и несправедливости по отношению к ним. Некоторые, кроме того, в качестве аргумента против попыток изменить язык приводят этимологию слов, а так же указывают на то, что менять язык непросто. Однако, по мнению норвежского «Языкового совета» (Språkrådet), принимая решение о том, является ли слово дискриминирующим или нет, следует принимать во внимание его современное значение, а не его историю. Что касается сложности изменения языка, последние десятилетия показали, что она не так уж значительна. К примеру, следующие слова широко употреблялись 25 лет назад, но сейчас встречаются крайне редко: lærerinne ("учительница", образовано суффиксальным способом при помощи феминитивного суффикса -inne), kontordame ("секретарша", образовано словосложением из слов kontor - офис и dame - дама) и allmannamøte ("всеобщее собрание", словосложение из all - все, manna - мужчины, møte - собрание).

Однако некоторые аспекты языка труднее поддаются изменениям, и для того, чтобы изменения в них прижились, требуется вмешательство

авторитетных лиц и организаций, таких как университеты, издательские дома и СМИ.

«Языковой совет» называет три главных принципа гендерно сбалансированного языка. Первый - использовать, когда это возможно, гендерно нейтральные обозначения профессий и занятий. Многие титулы и должности в норвежском языке гендерно нейтральны, но далеко не все. Например, следует заменять «formann» (председатель) на leder, «kontordame» (секретарша) на sekretær или fullmektig, «varamann» (заместитель) на varamedlem eller vara, таким образом, избегая сложных слов, образованных с помощью основ «-mann» или «-dame». Это правило особенно важно соблюдать в объявлениях о вакансиях, чтобы посредством использования гендерно маркированного слова не создать впечатление, что работодатель отдаёт предпочтение кандидатам какого-то одного пола. Кроме того, «Языковой совет» предостерегает против автоматического употребления личного местоимения "он", особенно в случаях, когда речь идёт о высокостатусных должностях, а местоимения "она", когда упоминаются низкостатусные. К примеру, в перечислении участвующих в судебном заседании лиц на сайте domstol.no читаем: «На усмотрение заинтересованного лица она может защищать себя сама или привлечь адвоката». Также не следует употреблять с названиями профессий прилагательные kvinnelig и mannlig, эквивалентных русским "женщина-" и "мужчина-". Например, выражения "kvinnelig tannlege" (женщина-дантист) и "mannlig sykepleier" (мужчина-сиделка) создают впечатление, что нормальной ситуацией является, когда дантисты - мужчины, а сиделки - женщины.

Там, где требуется указание на пол специалиста, следует пользоваться параллельными гендерно окрашенными словами, например, заменяя "mann" в сложных словах на "kvinne". Однако следует избегать названий профессий с феминитивными суффиксами «-inne» и «-erske».

Среди рекомендаций «Языкового совета», касающихся недискриминирующего использования языка, встречаются не только такие,

которые предписывают употреблять гендерно сбалансированные названия профессий и должностей. Некоторые из них касаются других нюансов, которым Герд Брантенберг тоже уделила внимание в своём романе. Например, рекомендуется следить за одинаковым употреблением имён и фамилий, избегая таких формулировок как "Новыми членами правления стали Хансен и Синнёве" - мужчина назван по фамилии, а женщина - по имени. В «Дочерях Эгалии» отражена эта тенденция: мать главного героя Петрониуса часто называют просто директор Брам - по фамилии. Мужчин же чаще всего зовут просто по имени, причём одного из них, Фанданго, всегда упоминают только с эпитетами: "маленький кругленький Фанданго", он обозначен так даже в списке действующих лиц романа на первой странице. «Языковой совет» предостерегает и против использования подобных характеристик: "Женщин часто описывают как "маленькая", "грациозная" и "светловолосая", мужчин же редко описывают подобным образом".

В статье «Языкового совета» встречается любопытная рекомендация: для того, чтобы обнаружить часто остающееся незамеченным проявляющееся в языке разное отношение к мужчинам и женщинам, может оказаться полезным поменять в высказывании пол на противоположный. По сути, это как раз тот приём, который лежит в основе всего романа «Дочери Эгалии».

Выводы по главе 2

1. В русском языке процесс создания феминитивов только начинается и является маргинальным. Им занимаются только активистки феминистского движения.

2. В отличие от России, в Норвегии этот процесс идёт уже давно, с 70-х годов XX века, и поддерживается на государственном уровне. Государственные организации «Языковой совет» и «Организация по борьбе с гендерной дискриминацией» публикуют статьи, направленные на распространение использования не дискриминирующего языка.

3. Толчком к осознанию необходимости изменения языка подобным образом стало женское движение 70-х годов, вторая волна феминизма, к наследию которой относится и роман Герд Брантенберг «Дочери Эгалии», ставший предметом настоящей работы.

4. «Языковой совет» рекомендует применять гендерно нейтральные названия профессий в тех ситуациях, когда речь идёт о профессии в целом, и, напротив, гендерно маркированные варианты в тех случаях, когда речь идёт о конкретном работнике.

5. Такие варианты должны быть образованы путём основосложения, и без применения феминитивных суффиксов, образующих слово от нейтрального варианта, так как этот тип словообразования считается дискриминирующим.

6. Кроме использования подходящих названий профессий, рекомендуется также следить за использованием личных местоимений, имён и эпитетов.

7.

Глава 3. Использование неологизмов в романе
3.1 Био-библиографическая справка

Герд Брантенберг с самого начала своего творчества проявила себя как свободная от стереотипов феминистская писательница. Она писала во многих жанрах, последовательно критикуя патриархат, гетеронормативное общество и капитализм, часто облекая эту критику в юмористическую и сатирическую форму.

Герд Брантенберг родилась в семье актрисы и врача в Осло 27 октября 1941 года, выросла в городе Фредрикстад. Образование будущая писательница получала во Фредрикстаде, Осло, Лондоне и Эдинбурге. В Университете Осло она получила степень кандидата филологических наук. Преподавала в старших классах школ в Драммене, Осло и Копенгагене. Она придерживается феминистских взглядов и активно участвует во многих обществах и движениях, в частности при феминистских объединениях Осло и Копенгагена. Основала кризисный центр, работала в Обществе норвежских писателей, Обществе норвежских преподавателей и в отделениях Лесбийского движения в Осло и Копенгагене. Также она состояла в правлении первого в Норвегии общества для гомосексуалов, Норвежский союз 1948 года. Брантенберг участвовала в организации Международной феминистской книжной ярмарки (1984 Лондон, 1986 Осло, 1990 Барселона и 1992 Амстердам). С 1982 года писательство стало её основной профессией, однако писать она начала ещё раньше.

В 1973 году Брантенберг опубликовала дебютный роман "Вставайте, геи всей земли" (В оригинальном названии содержится отсылка к первой строке Интернационала). Для того времени её дебют стал прорывом: открытая лесбиянка писала о жизни и проблемах гомосексуалов. В этом романе обличается гетеронормативное общество, подавляющее людей, испытывающих любовь к представителям своего пола. На данный момент из-под пера писательницы вышло 11 книг, 9 из них - романы, все они были

переведены на другие языки и выпущены крупными издательствами. Кроме того, она является автором целого ряда опубликованных в антологиях рассказов, эссе, статей, лекций, хроник, песен и переводов, а также одной радиопостановки и одной пьесы. Творчество писательницы, вне всякого сомнения, во многом способствовало повышению самоуважения среди гомосексуальных мужчин и женщин на протяжении нескольких поколений во многих странах мира.

Роман Брантенберг 1977 года "Дочери Эгалии" стал самым популярным за рубежом произведением норвежской литературы 70-х и 80-х годов. Это гендерно-политическое повествование высмеивает патриархальное общество путём описания вымышленной страны Эгалии, где власть и сила находятся в руках женщин, а мужчины занимают угнетённое положение. К 1999 году роман был переведён на13 языков, и по нему была поставлена пьеса.

В родной Норвегии успех пришёл к Герд Брантенберг только с выходом так называемой «трилогии Сан Круа», в которой проявился новый стиль в творчестве писательницы: "Песнь о Сан Круа" (1979 год), "У переправы" (1985 год) и "Всем ветрам" (1989 год). Произведения трилогии – так называемые «романы с ключом», изображающие детство и юность героини в послевоенной Норвегии. В центре повествования - внутренний мир молодой девушки, исследующей свою чувственность. В первых двух частях действие происходит во Фредрикстаде, и сюжет во многом опирается на события из жизни самой писательницы. Главная героиня, Ингрид, постепенно осознаёт своё влечение к другим женщинам. Поиск идентичности, желание любви и жажда и радость знания - вот центральные темы трилогии.

Действие романа "Объятие" (1983 год) проходит в феминистской среде Осло в конце 1970-х годов, в нём описывается страстные любовные отношения между двумя женщинами среднего возраста, у одной из которых есть муж и трое детей.

Роман для подростков "Омпадора" Ompadorastedet (1992) - поучительная история об играх двух сестёр в выдуманном ими мире.

"Аугуста и Бьёрнстьерне"(1997) - историко-биографический роман, действие которого происходит в середине XIX века, в котором рассказывается о бабушке писательницы и её тайной помолвке с Бьёрнстьерне Бьёрнсоном. При написании произведения Брантенберг использовала письменные свидетельства и исторические документы. Роман, в частности, критикует мещанский и патриархальный уклад Норвегии того времени.

В соавторстве с другими писательницами Брантенберг выпустила книгу "В поисках утраченного желания" (1986) - исследование любви между женщинами как мотива в европейской литературе, написанной на или переведённой на норвежский, датский или шведский языки в период с 1900 по 1985 год. Эта "лесбийская история литературы" включает в себя главы, анализ и библиографию более 172 книг, авторства более или менее известных писателей. В сборнике эссе о литературе, искусстве и феминизме "Отшельник и артист" (1991) писательница даёт взгляд изнутри на своё творчество и пишет, в частности, о том, как патриархальный язык является преградой для прекращения угнетения женщин. В своей лекции 1988 года она называет чёрный юмор и сатиру важнейшими орудиями против гендерного угнетения. Она заявляет, что мужчины присвоили себе власть над языком и таким образом и право давать определения отношениям между полами: "Язык проникает глубоко в наши души".

За своё творчество Герд Брантенберг была отмечена множеством наград. Писательница получает норвежскую государственную стипендию для деятелей искусства.

Выводы по главе 3. 1

1. Герд Брантенберг активно участвовала в феминистском движении второй волны, состояла в различных организациях и движениях, организовывая некоторые из них.
2. Все 11 книг писательницы, среди которых 9 романов, переведены на другие языки и получили признание общественности.

3. Творчество Брантенберг направлено на освещение проблем женщин и людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Её романы рассказывают о становлении девушек и об осознании ими своей гомосексуальности, в других работах она исследует феминистскую литературу.

4.

3. 2 Анализ романа

В центре повествования - семейство Брам, состоящее из директрисы Рут Брам, её мужа Кристофера и их детей, дочери Ба и сына Петрониуса. Можно сразу отметить то, что главой семьи является женщина (в дальнейшем их семейную пару называют так: «Госпожа Брам с супругом»). Сюжетная линия романа берёт начало в желании Петрониуса стать «морячкой» (здесь и далее перевод мой – В.Д.), а точнее – ныряльщицей, что вызывает резкое неприятие женщин семьи. Эти занятия являются традиционно мужскими, и юноше предлагают лучше задуматься о семьи и рождении детей. Мужчина в мире романа является скорее объектом, чем субъектом, и это видно уже по тому, что другие могут принимать за него решения о его будущем, его предназначение - зачать, а позже воспитывать ребёнка - предписывается ему обществом. Другой стороной объективизации является то, что мужчинам не принадлежит и их внешний вид. Они вынуждены следовать навязанным им обществом стандартам красоты, зачастую причиняющим им физические неудобства, а так же вселяющим в них комплексы и неуверенность в себе. Мужчин оценивают по их внешнему виду, а не по их интеллектуальным достижениям. Например, Петрониус страдает от того, что он не отвечает идеалу, предписывающему мужчинам быть невысокими и пухленькими, безволосыми и с покатыми плечами. Мужчины должны одеваться в неудобную и непрактичную одежду. Кроме того, мужчинам считается неприличным ходить без так называемого пенисгальтера (ПГ), аксессуара, без которого они вполне могли бы обойтись, и который причиняет значительные неудобства. Также в эгалианском обществе существует стигматизация мужского тела, которое считается чем-то постыдным и грязным, принуждая мужчин прикладывать усилия, чтобы избавляться от своего природного дурного запаха. На женщин же все эти требования не распространяются. Они могут носить удобную обувь и брючные костюмы, а

то, что их фигура меняется после родов и с возрастом, считается совершенно естественным. Мужчинам в романе приходится подстраиваться под требования общества, менять себя, если они «недостаточно мужественны». Например, один из персонажей, Лизелло Углемусе, вынужден скрывать свою физическую силу и ум, однако он так и остаётся «старым юношем» из-за своего необычайно высокого для мужчины роста и мощного телосложения. Однако стремление мужчин выглядеть привлекательно, к которому их, фактически, принуждает всё устройство общества, поскольку их ценность измеряется в первую очередь их внешностью, часто высмеивают и считают следствием мужской легкомысленности.

Эгалия - богатая страна, основой финансовой обеспеченности которой является деликатесная акула под вымышленным названием спюдбитер. Ловить её обычными способами невозможно – она перекусывает сети и срывается с крючка, приходится охотиться на неё с гарпуном, чем и занимаются эгалианские ныряльщицы. Прибрежное расположение страны вкупе с её зависимостью от запасов определённого природного ресурса позволяют сделать вывод о том, что автор проводит параллель со своей родной Норвегией, для которой также важен и рыбный промысел. Интересно, что повышение спроса на спюдбитера приписывают влиянию мужчин, «домохозяева просто сходили по нему с ума»[5], обвиняя их в том, что женщинам приходится рисковать жизнью ради мужских прихотей. Ещё одна аллюзия, которая явно указывает на Норвегию – престижный район столицы страны, Эгалсунда, где расположены виллы самых богатых и влиятельных горожан, носит название Монеколлен, что вызывает однозначные ассоциации с Холменколлен, богатым районом Осло.

В жизни эгалианского общества важную роль играет менструальный цикл. В году тринадцать месяцев, и раз в год проводятся Большие Менструальные игры, важное спортивное событие и всенародный праздник. Кроме того, менструация считается источником силы: при описании девочки-

5 Брантенберг Г. с. 36

предводительницы всего класса упоминается важная деталь – у неё у первой в классе начались месячные, поэтому все остальные девочки её уважают. Ещё один пример: депутатка успешно выступает на дебатах, потому что у неё месячные. Младшая сестра Петрониуса Брам , Ба, хвастается перед Петрониусом своими прокладками, её первые месячные – радостное событие в семье. Как говорится в романе, «Менструация – источник силы, семя – источник позора» [6]. Здесь виден мотив стыда за своё тело, навязываемого в мире «Дочерей Эгалии» мужчинам. Весь общественный нарратив трактует проявления женского как проявления силы и контроля, и наоборот. В нашем обществе, согласно гендерным исследованиям, существует противоположная ситуация, об этом писала, в частности, известная американская феминистка второй волны, Андреа Дворкин (1946-2005).

Читатель узнаёт о принципах эгалианской цивилизации, о их ценностях, взглядах и устоях из школьных уроков, которые ведёт г-н Лизелло Углемусе, «старый юнош» . Он описывается как «вобравший в себя всю нелепость на свете – старомодный, чопорный, с неестественными и театральными манерами». Его внешность не соответствует принятым в эгалианском обществе стандартам мужского тела: он слишком высокий, слишком сильный, у него широкие плечи. Кроме того, Лизелло считается опозоренным, потому что сын директрисы похож на него, однако директриса «мужената» на другом. Таким образом, получается, что Лизелло воспользовались. Ученики и жители города шепчутся об этом за его спиной. Из школьных уроков, которые он ведёт, мы, в частности, узнаём, что мужчины – «уязвимый пол», потому что их половые органы находятся снаружи. Это как бы доказывает, что сама природа не считает мужчин настолько важными, чтобы защитить их так, как женщин. «Несправедливость природы состоит в том, что мужчины лишены привилегии рожать детей. Это означает, что у них подчинённое положение в самом жизненном процессе.»

6 Брантенберг Г. с. 178

Кроме того, как доказательство неравенства мужчин и женщин приводятся размеры половых клеток и их количество.

Предназначением мужчины, как уже было сказано, считается "заженство " и воспитание детей. Если же мужчине не удаётся выйти зажену, ему приходится устраиваться на работу. Однако в эгалианском обществе большинство работ для мужчин низкооплачиваемы и подразумевают тяжёлый ручной труд, например, уборка или стирка. Некоторые профессии считаются совершенно недоступными мужчинам и неподходящими им – кроме управленческих должностей, рыболовства и прочего к таким профессиям относится земледелие. Дело в том, что в эгалианском обществе считается непреложной истиной связь женщин с силами природы посредством их менструального цикла. Только они могут устанавливать особую связь с землёй и добиваться того, чтобы семена всходили, а плоды созревали. Ещё в школе эгалианских мальчиков обучают рукоделию, а девочек – садоводству. Считается, что без женщин общество бы не смогло прокормиться. Именно это поверье стало причиной доминирующего положения женщин в обществе – пока мужчины с переменным успехом охотились, тратя массу сил и нередко получая увечья, женщины возделывали землю и собирали стабильный урожай. Постепенно все материальные ресурсы скопились у них, и так женщины встали во главе племён. Этот мотив перекликается с тем, как в нашем мире мужчины считаются обладателями логического мышления и физической силы, которых якобы лишены женщины. В школе у мальчиков закрепляют эти черты, а для девочек развивать их считается необязательным. Затем, когда во взрослой жизни мужчины и женщины ведут себя согласно заложенным в детстве при их воспитании гендерным ролям, это считается подтверждением изначального тезиса о различии полов.

С историей Эгалии читатель знакомится посредством школьных уроков. Выясняется, что нынешнее положение мужчин считается совершенно равным с положением женщин, мужчинам якобы даны все права и свободы. Раньше же, как говорится в школьном учебнике, их действительно угнетали,

и использовали либо в качестве домашнего скота и бесплатной рабочей силы, либо определяли в резервации куртизанов. Однако эгалианки того времени, несомненно, считали себя значительно продвинувшимися по пути равноправия и гуманизма, так как ещё раньше подавляющее большинство новорождённых мальчиков убивали, оставляя лишь десять процентов, поскольку мужчин считали бесполезными созданиями. Этот отрывок романа в гиперболизированной форме показывает, бессмысленность доказательства того, что равноправие достигнуто, с помощью сравнения современности с негативными примерами из прошлого.

Также в романе затрагиваются темы изнасилования и связанного с ним приписывания вины жертве, или так называемого «виктимблейминга». Главный герой романа, Петрониус, становится жертвой изнасилования. Испытывая стыд за это, он решает скрыть произошедшее ото всех, однако его секрет по стечению обстоятельств становится известен родителям. Мать обвиняет в случившемся его самого: «чего ты ожидал, гуляя один в десять часов вечера на берегу?» В своей речи всю ответственность за изнасилование она перекладывает на плечи мужчин, потому что женщины якобы не могут противостоять своим инстинктам, и это их оправдывает.

Характер мужчин в романе очень своеобразен, они крайне подвержены эмоциям, не могут контролировать их внешние проявления. Например, господин Углемусе, получив от директора записку с приказом явиться после занятий, заливается краской, у него трясутся руки, он весь день беспокоится о предстоящем разговоре и срывается на учеников. Мужчины болтливы, чувствительны, чрезмерно романтичны. «Быть человекой - значит твёрдо стоять на земле, а уход от реальности в свои мечты - это типично мужская черта».

Брантенберг находит множество способов подчеркнуть неравное положение мужчин и женщин в романе, она прорабатывает всю картину до мелочей. Например, на плакате с рекламой банка женщина сидит и листает документы, а муж стоит, глядя ей через плечо со счастливой улыбкой.

В романе отводится много места изображению отношений внутри семьи, в основном на примере четы Брам. Согласно феминистским исследованиям, женщина в нашем обществе выполняет большие объёмы неоплачиваемого обслуживающего труда по поддержанию жилища в порядке и чистоте, приготовлению пищи и уходу за детьми. Однако этот труд считается чем-то само собой разумеющимся и не рассматривается как полноценная работа, требующая оплаты или хотя бы признания. Эта идея отражена в "Дочерях Эгалии". Кристофер Брам, муж Рут, в юношестве имел склонность к механике и мечтал строить мосты. Однако выйдя зажену, ему пришлось оставить эту мечту, поскольку обязанности домохозяина не оставляли ему возможности её реализовать.

Можно обратить внимание на следующую особенность: время мужчин, в отличие от времени женщин, не считается чем-то ценным. Глава счастливой матриархальной семьи имеет право в любой момент оторвать своего мужа от любых занятий и попросить что-то принести или подать, поскольку занятия женщин автоматически считаются важнее.

В романе также отражена система репродуктивного принуждения, которой феминистки до сих пор продолжают уделять много времени. Этот мотив прослеживается с самой первой страницы романа, когда в качестве аргумента против того, чтобы Петрониус становился морячкой, приводится утверждение о том, что мужчине обязательно нужно иметь детей. Петрониус возражает, что большинство женщин-морячек – матери, но это возражение не воспринимают всерьёз, ведь именно отец, с точки зрения эгалианского общества, должен следить за детьми и воспитывать их. Кроме этого давления с помощью общественного мнения и традиций, осуществляется и более жёсткий контроль над этим в рамках семьи. У мужа фактически нет способов повлиять на выбор жены родить ребёнка, напротив, его репродуктивная функция регулируется женой, поскольку она следит за тем, чтобы муж принимал оральные контрацептивы. Являясь гормональным препаратом, они наносят ущерб внешности и здоровью мужчин, как и реальные

противозачаточные таблетки, использовавшиеся во времена написания романа. Однако решение о том, чтобы завести ребёнка, принимает жена, она может потребовать от мужа перестать принимать таблетки, или даже, наоборот, заставить его подвергнуться процедуре кастрации.
Роды в Эгалии проводятся как большие праздники со множеством гостей, в специальном Родильном Дворце. По традиции , по случаю рождения девочки играют мажорную кантату, а при рождении мальчика - наоборот, минорную, так как появление на свет дочери считается большим счастьем.

В какой-то момент Петрониус, господин Углемусе, Фанданго и ещё несколько персонажей романа решают создать маскулистское движение, чтобы заниматься «мужским вопросом». Для Фанданго, например, толчком к мыслям об этом становится то, что вся история рассказывает о женщинах, а мужчины в ней как бы неважны. Он любит историю, но она заставляет его чувствовать себя ненужным. Он замечает, сколько в языке примеров того, что именно женщины считаются людьми первого сорта, а мужчины делаются незаметными. «Например, слово «человека». Оно ведь звучит так, будто все человеки – женщины!»[7]. Он решает стать маскулистом, когда вырастет, а когда отец возражает ему, что за это не платят денег, говорит, что мог бы исследовать язык и постепенно устранять из него все слова, которые показывают, что раньше обществом правили женщины.

Как и реальное феминистское движение в 70-х, маскулистское движение в романе сталкивается с неприятием их идей обществом. Их клеймят женоненавистниками и «паллюрианами» - то есть, гомосексуалами.[8] В этом можно узнать типичное оскорбление, употребляемое по отношению к феминисткам в нашем обществе – их часто называют лесбиянками. Согласно работам Андреа Дворкин, за презрением к лесбиянкам чаще всего стоит политический отказ признавать женщин, которые организуются в

7 Брантенберг Г. с. 155

8 Паллюрия – это горная цепь в мире романа, в которой расположены рудники по добыче ценных ископаемых. В этих рудниках традиционно работали мужчины, без женщин, и, по всей видимости, там сложилось чисто мужское общество.

собственных интересах, чтобы добиться присутствия в публичной жизни, значимого влияния на жизнь общества, действительных гарантий неприкосновенности. «Для женщины, которую воспитывали быть красивой, уступчивой и желанной (все в мужских терминах), слово «лесбиянка» ассоциируется с грязной, отвратительной ненормальностью. Оно пробуждает в женщине ее глубочайший страх изгнания, изоляции, наказания. Для женщин, контролируемых мужчинами, это слово означает проклятие.»[9] Всё это было знакомо Герд Брантенберг, боровшейся, в частности, за права гомосексуальных женщин, и являющейся открытой лесбиянкой. В конце концов участники маскулистского движения осознают и постепенно принимают тот факт, что их действительно привлекают представители своего пола, и в этом нет ничего постыдного для мужского движения. Главного героя романа, Петрониуса, к этому осознанию подталкивает эпизод домашнего насилия со стороны своей прежней возлюбленной, которому он подвергается после отказа заводить с ней вместе ребёнка.

Брантенберг описывает борьбу маскулистов, опираясь на свой опыт участия в феминистском движении, при этом применяя свою обычную иронию. «Они сидели в кафе, потягивая вино, и сочиняли текст листовок по случаю запланированного большого сжигания ПГ. Они придумывали всевозможные варианты того, что на них нельзя было написать, и смеялись всё больше. "Что бы сказали женщины, если бы мы потребовали от них запихивать свою грудь в бюстгальтеры? Если бы мы сказали, что без бюстгальтера она выглядит обвислой, отвратительной и совершенно не привлекательной?" Они засмеялись и выпили за это. Нет, такого они всё-таки не могли написать. Это должны были быть серьёзные листовки»[10]. Мужское движение проводит публичные акции, за что их критикует пресса, выставляя извращенцами и нарушителями общественного порядка.

---

9 http://womenation.org/dworkin-power-of-words/

10 Брантенберг Г. с. 194

В конце романа «Дочери Эгалии» Петрониус пишет книгу «Сыны демократии». Первая страница этой книги приведена в романе и является отзеркаленной первой страницей «Дочерей Эгалии»: директор Рольф Берг говорит своей дочери Петре, что ей не стоит идти в моряки. Большинство из написавших рецензии на книгу Петрониуса – женщины, и они предполагают, что книге описано идеальное для маскулистов общество, хотя суть была в том, чтобы, отзеркалив существующее положение дел, показать всю его абсурдность и несправедливость.

Выводы по главе 3. 2

1. Мир романа – сатира на Норвегию 70-х годов XX века. писательница переворачивает всё социальное устройство общества относительно гендерных ролей, добавляя некоторые детали от себя, в отдельных случаях гиперболизируя существующие проблемы.

2. Читатель прослеживает личностное становление главного героя, Петрониуса, от закомплексованного подростка до зрелого писателя, принявшего себя и свою гомосексуальность. Можно предположить, что этот образ является автобиографическим.

3. На фоне основной фабулы произведения Брантенберг изображает все важные для феминизма второй волны вопросы – мизогинию, объективизацию, стандарты красоты, репродуктивное принуждение, неоплачиваемый труд женщин-домохозяек, домашнее насилие, запрещающее женщинам занимать некоторые должности общественное мнение, и т.д.

4. Используемый писательницей приём отзеркаливания подводит читателя к непредвзятому взгляду на действительность, которая в таком виде кажется гротескной и абсурдной.

3. 3 Анализ неологизмов в романе

Нам показалось наиболее целесообразным провести классификацию неологизмов, использованных Герд Брантенберг в романе, одновременно по семантическому принципу и по типу словообразования. Первый уровень классификации – семантический. Поскольку приведённые в этой главе неологизмы были созданы с целью раскрытия полной и проработанной картины мира романа, представляется невозможным их рассмотрение в отрыве от контекста произведения и от той задачи, которую была призвана создавать каждая конкретная категория авторских неологизмов, раскрывая определённую сторону жизни в Эгалии. Однако, не все неологизмы поддаются такой классификации или полностью вписываются в неё. Там, где возможно, проведена классификация неологизмов внутри семантической категории по словообразовательному типу.

Топонимы.

Название самой страны Egalia образовано от прилагательного egalitær «эгалитарный», происходящего от франц. egalitaire «уравнительный». В этом названии заключена ирония над уверенностью привилегированной части общества в том, что равноправие уже достигнуто – оно считается настолько основополагающей ценностью общества, что в честь него даже названо государство. В конце романа главный герой Петрониус пишет роман, переворачивающий гендерные роли относительно общества, в котором он живёт, и, судя по первой странице, являющийся зеркальным отражением романа «Дочери Эгалии». Этот роман называется «Сыны Демократии», то есть, судя по всему, в мире этого «романа внутри романа» основополагающей ценностью является демократия, как в реальных государствах-представителях западной цивилизации.

Название столицы страны, Egalsund, образовано путём сложения основы слова Egalia и слова sund «пролив», так как город стоит на берегах пролива между материком и островом Люкс (Luks).

Как уже упоминалось, самый престижный район столицы стоит на возвышенности и носит название Månekollen – образовано словосложением, måne «луна», kolle «сопка, невысокая округлая гора» в определённой форме. Возможно, луна здесь упомянута по той причине, что она ассоциируется с женственностью, и лунный цикл напоминает менструальный. Кроме того, это название перекликается с названием престижного района Осло – Holmenkollen, образованным от уже упомянутого «сопка, невысокая округлая гора» в определённой форме, и названия хутора Holmen.

Жительницы Эгалии, благодаря своей связи с силами природы, многое делают для охраны окружающей среды. Главный парк в Эгалсунде называется Milasjonsparken, поскольку он призван отвечать за «ассимиляцию углекислого газа» (kullsyreassimilasjon), который производит город[11]. Перед нами комбинированный способ словообразования. Название парка образовано путём усечения слова kullsyreassimilasjon. Хотя чаще в норвежском языке отсекается последняя часть слова (mikrofon – mikk, selvfølgelig – seff, seriøs – serr), здесь Брантенберг пошла другим путём и наоборот, отсекла первую часть. К этой отсечённой части milasjon прибавляется собственно слово «парк» в своей определённой форме parken. Таким образом, здесь использованы два способа словообразования – усечение и словосложение.

Имена собственные.

Это одна из наиболее характерных черт романа. Брантенберг даёт женским персонажам короткие, грубые имена (Анн, Лив, Брит, Герд, Май), а мужским - длинные, сложные, нередко образованные от женских : Фанданго, Лизелло (от женского имени Лиз), Рутелло (от Рут), Грудриан (от Гру), Бритоберт, Мирабелло. По задумке писательницы, это должно подчёркивать силу и самодостаточность женщин и нежность мужчин, то, что они

11 Брантенберг Г. с. 34

воспринимаются скорее как украшения, а не люди. То, что мужские имена часто образуются от женских, подчёркивает «вторичность» мужчин. Стоит отметить, что Брантенберг чаще всего брала действительно существующие женские имена, а мужские создавала самостоятельно, так как ей требовалось, чтобы они обращали на себя внимание читателя.

Другая интересная черта личных имён – это то, как писательница поступает с фамилиями. В Скандинавии широко распространены фамилии, оканчивающиеся на -son или -sen, что этимологически выводится из слова «сын». Такие фамилии происходят от отчеств, но в наше время их носят и мужчины, и женщины. Довольно очевидным выглядит решение Брантенберг в вымышленном матриархальном мире заменить их фамилиями на –datter (дочь). К слову, в Исландии, где сохранились отчества, они образуются для женщин именно этим способом, например, Guðmundsdóttir - «дочь Гудмунда». Такие фамилии считаются самыми распространённое в Эгалии, примером этому может служить эпизод романа, когда Петрониус с Балдрианом идут в гей-бар и им нужно представиться вымышленными именами, «Они написали «Б. Ливдаттер» и «П. Евадаттер», это было самое обычное, что они могли придумать». Другие примеры из романа: Gro Maidatter – женщина, на протяжении части романа возлюбленная Петрониуса; Herr grosserer Monadatter «господин оптовик Монадаттер» - мужчина не только носит «женскую» фамилию, его ещё и называют по профессии его жены, подобно тому, как в русском языке раньше употребляли слова с суффиксом «-ша», чтобы обозначить жену человека, занимающего какую-либо должность. Кроме этого, в тексте романа чету Брам называют так: direktør Bram m/herre, т.е. «директриса Брам с господином», что соответствует формуле из русского языка «…с супругой». Подобным же образом, когда женщины приходят на Менструальные Игры со своей семьёй, говорится, что они берут с собой gubben og ungene «старика и малышей».

Изобретённые Брантенберг фамилии используются и в топонимах. Liv P. Livdattersvei – «улица Лив П. Ливдаттер». Улица названа в честь женщины

с фамилией, образованной от имени женщины и элемента «дочь». Такие авторские находки не позволяют читателю упустить из виду, насколько социальное устройство проникает во все аспекты языка и общества.

Книге Герд Брантенберг присуща тонкая ирония. Помимо отсылок к её родному Осло и Норвегии в целом, она делает аллюзии и к норвежской литературе. Когда маскулисты проводят протестную акцию в парламенте, этому событию посвящает стихотворение известная эгалсундская поэтесса по имени Frukvin Vildenmey. Это аллюзия на норвежского поэта Herman Wildenvey. Писательница переосмысляет его имя как сочетание слов herr «господин» и mann «мужчина», и составляет новое по этому шаблону, путём основосложения: frue «госпожа» и kvinne «женщина». Смысл преобразования имени не так прозрачен, однако возможно, что здесь имеет место некоторая игра слов с существительным møy «дева». Это один из случаев, где писательница отступает от своего обычного принципа изменения только гендерно окрашенных слов.

Слова, имеющие отношение к религии.

Прямо религия в Эгалии не описывается, всё, что даёт нам основания делать какие-либо выводы о ней – это неологизмы, разбросанные по тексту романа. Из них можно сделать вывод, что вера эгалианок напоминает христианство, с тем отличием, что верховное божество – женского пола. Эту богиню называют Donna Klara «Донна Клара», где имя собственное, скорее всего, образовано от прилагательного klar «чистый». Следует отметить, что Брантенберг отказывается от использования слова gudinne «богиня», которое является производным от слова gud «бог» с на данный момент устаревшим феминитивным суффиксом «inne». Однако персонажи романа также обращаются к божеству как к Gud Moder – буквально «бог мать», нечто параллельное русскому «отче». Слово moder является архаизмом, современное слово, которым обозначают мать – mor. Точно так же архаизмом является и слово fader «отец», которое используют при обращении к богу по-норвежски.

Богиню упоминают в экспрессивных восклицаниях вроде «Donna , så spennende!» - «Донна, как интересно!» или «hva i fruens navn» - «что, во имя госпожи», ср. норвежское выражение «hva i herrens navn» – «что, во имя господа». Но упоминается не только она, например: «hva Lucia» - «какой чертовки», ср. норвежское выражение «hva faen» - какого чёрта. Lucia, скорее всего, - имя антагонистки богини Клары, и в нём можно усмотреть явственные аллюзии на имя Люцифера. Встречается также любопытное выражение «hvordan i hule Lucia», букв. «как, в полой Люсии», используемое в качестве «как, чёрт побери». Можно предположить, что здесь имеет место «переворачивание» одного из эпитетов, которые используются со словом «чёрт» - lange faen, «длинный чёрт».

Кроме этих упоминаний религиозных сущностей самих по себе, был выявлен неологизм, производный от обращения к богине – прилагательное donnadommelig, «божественный», образованное по аналогии с существующим словом guddommelig путём замены элемента gud «бог» на donna «донна».

Следующая категория слов обозначает **различные категории людей и производные от них понятия, а так же особенности эгалианской речи, где мужское заменено на женское**.

Пожалуй, самой яркой такой особенностью является замена неопределённо-личного подлежащего man на dam. В норвежском языке, как и в других скандинавских, в немецком и в нидерландском это местоимение употребляется в неопределённо-личных предложениях, заменяя лицо, отсутствующее, но подразумевающееся. На русский язык предложения с неопределённо-личным местоимением часто переводят с глаголом в форме третьего лица множественного числа, или второго лица единственного числа. Можно обнаружить фонетическое и орфографическое сходство местоимения man с современным существительным mann «мужчина». Они исторически родственны, и время их расхождения относится примерно к древневерхненемецкому периоду. Однако сейчас это местоимение

употребляется и в случаях, когда ясно, что речь идёт о женщине, например, «Symptomer og tegn på at man er gravid» - «Симптомы и признаки беременности». Герд Брантенберг меняет это местоимение на созвучный неологизм dam, образованный от существительного dame «дама» путём отсечения флексии. Существует также другой вариант этого местоимения, ken, который считается более вульгарным, зато не обладает настолько выраженной ассоциацией с женским полом. Однако один из героев романа, Фанданго, который больше всех уделяет внимание языку, отмечая, как в языке эгалианок отражается матриархат, говорит об этом: «Вот взять слово «dam». Ты думал о нём? Почему бы мы не могли с тем же успехом говорить «herr» [господин]? Или «mann» [мужчина]? <...>

-Ты мог бы начать вместо него говорить «ken». Это слово нейтральное.

-Нет, об этом я уже думал. Мне кажется, оно происходит от слова «kvinne» [женщина], которое стало «kven», а потом «ken». Такие превращения слов госпожа Углемусе показывала нам на доске»[12].

Другое слово, на которое в этом же отрывке обращает внимание Фанданго – kvinneske, образованное по аналогии с нормативным норвежским menneske «человек» путём замены элемента «menn» на «kvinn». На основе этого неологизма путём словосложения создаётся целый ряд других, часто окказиональных, слов, например, существительные kvinneskelivet «человеческая жизнь», kvinneskealder «срок человеческой жизни», kvinneskeknep «уловки людей». Для того, чтобы более наглядно показать абсурдность этого слова, писательница комбинирует его с упоминаниями мужчин, создавая такие выражения, как «ukvinneskeliggjøring av menn» «расчеловечивание мужчин» и даже mannekvinneske - пренебрежительное обозначение мужчины, созданное по аналогии с kvinnemenneske «баба». В романе встречается в сочетании «frustrert, middelaldrende mannekvinneske» -«отчаявшийся мужик средних лет», уничижительная характеристика по отношению к «учительницану» Углемусе. Следует обратить внимание на

12Брантенберг Г. с. 156

внутреннюю логику этого слова, по которой мужчины как бы не являются людьми, поскольку нужно уточнять их пол. Подобный же неологизм с пейоративной окраской: kvinnfolktype , которое также можно перевести как «мужик», подобным же образом уточняет пол. К тому же именно это уточнение, что человек относится к мужскому полу, делает слово презрительным.

Было отмечено прилагательное, также созданное путём основосложения: allkvinnkvinneskelig по аналогии с allmennmenneskelig «общечеловеческий».

Герд Брантенберг стремится показать, как слова со значением или с элементом, означающим «мужчина» обозначают в норвежском языке вообще «человек». Например, когда на балу играет 25-damsorkester «оркестр из 25 дам», все юноши должны схватить своего sidekvinne «соседку», хотя речь идёт только о юношах, и танцевать. Писательница сознательно доводит такие несоответствия до абсурда, чтобы дать читателю осознать, как эти конструкции прочно обосновались в языке и не воспринимаются как что-то странное. Например, описывается, как во время имевшего место задолго до событий романа бунта мужчин были казнены hovedkvinnene i manneopprøret «лидерки бунта мужчин», хотя очевидно, что это были мужчины.

Точно таким же образом меняются упоминания мужчин на упоминания женщин в выражениях «i mine pikedager» «в молодости», «metoder som gikk i arv fra mor til datter i generasjoner» «методы, которые на протяжении поколений передавались от матери к дочери», «i kvinns minne» «на женской памяти», «for en kvinnealder siden» «поколение назад» (буквально «женский век назад»), «den første blant likekvinner» «первая среди равных», где неологизмом является существительное likekvinne «равная», образованное по аналогии с likemann «равный» с помощью замены гендерно окрашенного элемента. Для более полной передачи идеи о том, что в эгалитарианском обществе под понятием «человек» в первую очередь подразумевается женщина, писательница создаёт такие неологизмы как kvinnskapet «команда

корабля» (вместо mannskapet), slagssøstrene «дерущиеся» (вместо slagsbrødrene, замена элемента brødre «братья» на søstre «сёстры»), seierfruen «победительница» (вместо seierherren).

Поскольку женщины занимают все государственные должности и вообще вершат историю страны, их упоминают, когда говорят о великих людях прошлого: våre mødre «наши матери», grunnmødre «матери-основательницы». В учебниках истории пишут о føydalfruer «феодалках», этот неологизм - результат словосложения, føydal «феодальный» и frue «госпожа». В Эгалии нет понятия «патриотизм», можно быть только matriotisk «матриотом» - здесь слово образовано с помощью латинского корня, как и его прототип.

Зато слово «отцы» используется в другом случае: husfedre «домохозяева» (буквально «отцы дома») следят за домом и детьми.

Слова, подчёркивающие различные стандарты поведения для мужчин и женщин.

Писательница обращает внимание на то, как с помощью языковой среды создаются клише, с помощью которых можно легко классифицировать мужчин. Например, если женщина всю жизнь называется женщиной, kvinne, для мужчин есть категории, переход между которыми обеспечивают женщины: herken (образовано от основы herr по аналогии с frøken –девица) – незаженатый юноша. Кроме того, это слово служит обращением к учителям, например, к одному из героев романа, herken Uglemose – господину Углемусе. Когда юноша выходит зажену, он становится её мужем - mone, писательница образует этот неологизм по созвучию с «жена» в нормативном норвежском языке – kone. С этим элементом создаются и другие неологизмы, это составные слова, в которых mone заменяет kone, например, nabomone «муж соседки». «Жена» на языке Эгалии обозначается тем же словом, что и просто «женщина» - kvinne, аналогично совпадению слов «муж» и «мужчина» в нормативном норвежском - mann.

Конечно же, юноша на момент выхода зажену должен быть девственником – jomherr (по аналогии с jomfru – девственница). Если же он

теряет свою невинность – svenndom, название которой образовано суффиксальным способом от svenn «юноша», с субстантивирующим суффиксом dom, по аналогии с møydom «невинность» в нормативном норвежском языке – его называют hurke «шлюх». Способ словообразования, применённый при создании данного существительного, установить не удаётся, зато оно показывает чрезвычайно важный аспект эгалианской морали: такое слово, клеймящее «непристойное» для юноши поведение, существует, однако нет параллельного варианта, которое бы обозначало нечто подобное у женщин. Для этого случая проявления двойных стандартов как в общественной морали, так и в языке, в феминизме используется английский термин «слатшейминг».

Если же мужчине слишком долго не удаётся найти себе жену, он приобретает постыдное название gammel svenn «старый юноша».

В романе маскулисты решают устроить протест против вышеописанных норм. Они являются на бал и там начинают приставать к женщинам, ведя себя с ними так же, как женщины обычно себя ведут с молодыми юношами – распутно и бесцеремонно. В результате в газетах их потом называют «frustrerte kærlinger som ikke hadde hatt lykken» «отчаявшимися мужиками, которым до сих пор не выпало счастья». Слово kærling «мужик» - авторский неологизм Брантенберг, образованный от kar «парень» с помощью суффикса -ing по аналогии со словом kjerring «баба».

В Эгалии существует разделение мужской и женской дружбы. У женщин – kammerater «товарищи», у мужчин venanner «подруганы». Этот неологизм образован писательницей очень интересным способом. Она создаёт для этого новый суффикс -ann, создающий маскулинный вариант слова, по аналогии с феминизирующим суффиксом -inn, на данный момент архаичным, но активно использовавшимся на момент написания романа, в 70-е годы. В романе встречается ещё несколько неологизмов, созданных с помощью этого же суффикса, их мы рассмотрим позднее.

Женщины в романе в целом разговаривают более развязным и фамильярным языком, чем мужчины, например, к своим товаркам они

обращаются «ditt gamle pattedyr» – «старое млекопитающее». Похожее слово используется для описания мужчин, однако оно звучит как оскорбление. Мужчин называют avlsdyr «племенное животное», что, как и pattedyr «млекопитающее», подчёркивает репродуктивные функции пола, однако, в отличие от него, словно говорит, что на этом ценность мужчин заканчивается.

Интересны названия гомосексуалов в языке романа: женщин называют homoseksuelle kvinner «женщины-гомосексуалки», а мужчин palluriske menn «мужчины-паллюрианы». Паллюрия – это горная цепь в мире романа, в которой расположены рудники по добыче ценных ископаемых. В этих рудниках традиционно работали мужчины, без женщин, и, по всей видимости, там сложилось чисто мужское общество. Здесь нетрудно узнать параллель с прилагательным из нормативного норвежского языка lesbisk, на русский переводимым существительным «лесбиянка», которое также образовано от топонима – названия острова Лесбос.

Мужчины – украшение жизни эгалианок, символ красоты и любви. Поэтому в языке романа встречаются такие устойчивые выражения: «halve dronningriket og en prins på kjøpet» - «полцарицства и принц впридачу». Здесь неологизмом является слово dronningriket, образованное обычным для Брантенберг способом – словосложением dronning «королева» и riket «королевство» в определённой форме, по аналогии с kongeriket «царство, королевство». Ещё одно выражение: «vakker jomherr i sitt jomherrebur» - «прекрасный юноша в своей светлице». Здесь использовано уже упоминавшееся существительное jomherr и образованное с его помощью по аналогии с jomfrubur «девичья» jomherrebur.

Названия профессий.

Эта категория неологизмов в романе является самой обширной, именно названий профессий в Эгалии упоминаются во всех рецензиях на книгу. Здесь Брантенберг в большинстве случаев пользуется теми же приёмами, что и в других случаях: заменой элементов со значением «мужчина» на элементы со значением «женщина» и словосложением. При этом должности с такими названиями могут занимать и мужчины. Для того, чтобы подчеркнуть

мужской пол сотрудника, используется прилагательное mannlig, переводимое на русский как элемент сложного слова «мужчина-».

Первое название профессии, образованное этим способом, встречается уже на первой странице романа, это существительное sjøkvinne «морячка». Петрониус говорит о своей мечте семье, но получает только насмешки сестры: «Мужчина же не может стать sjøkvinne [морячкой]! En mannlig sjøkvinne [Мужчина-морячка]! Самое дурацкое выражение на женской памяти! Может, ты станешь dekks g u t t [юнгой]? Или tømmer m a n n [судовым плотником]? Или styr m a n n [штурманом]?»[13]
Кроме того, сестра смеётся над самой возможностью существования «en mannlig froskekvinne» - «мужчины-ныряльщицы». Слово froskekvinne образовано словосложением frosk «лягушка» и kvinne «женщина» по аналогии с froskemann «водолаз».

Другие примеры таких названий профессий: folkekvinne «депутатка», «en mannlig folkekvinne» «мужчина-депутатка», tillitskvinne «профсоюзная организаторка», vitenskapskvinner «учёные», altmuligkvinne «мастерица на все руки», kjøpkvinne «купчиха». Стоит отметить, что все эти профессии относятся к разряду достаточно престижных и прибыльных.

Однако в мире романа существуют и маскулинные названия профессий. Их общая черта – то, что они по большей части относятся к сфере непрестижного труда. Это так, поскольку Брантенберг использовала для их образования существующие в норвежском языке феминитивные названия профессий. Например, kontorherrer «секретари», butikkmann «продавец», vaskemenn/vaskemoner (в романе употребляется два варианта) «прачки». Кроме словосложения, писательница использует уже упоминавшийся созданный ей маскулинизирующий суффикс -ann: forfatterann «писательницан», sangerann «певицан», lærerann «учительницан». Однако по отношению к мужчине может использоваться и феминитивная форма слова, например, в списке действующих лиц Лизелло назван lærerinne «учительница».

13 Брантенберг Г. с. 12

Существительное fiskermann, которое в нормативном норвежском имеет значение «моряк», в романе приобретает значение «муж морячки», по аналогии с fiskerkvinne.

Однако не все названия профессий созданы методом словообразования, другой метод, которым пользуется Брантенберг – созвучие. Например, в слове kandidater «кандидаты» нет гендерно окрашенных элементов, однако она изменяет его, превращая в kvindater, используя основу слова kvinne «женщина».

Гендерно окрашенные характеристики людей.

Общество приписывает двум гендерам разные черты характера и поведения, которые автоматически распространяются на всех представителей пола. Эти характеристики закреплены в речи с помощью эпитетов вроде «женственный» и «мужественный». Герд Брантенберг переосмысляет их, используя в противоположных значениях. Прилагательное mandig «мужественный» в романе означает изящество, грациозность. А вот у прилагательного herkenaktig негативная коннотация, оно образовано по аналогии с frøkenaktig «чопорный, жеманный, церемонный». В данном случае использован суффиксальный тип словообразования, к уже описывавшемуся неологизму herken писательница прибавляет суффикс, который образует от существительных, описывающих лиц, прилагательные, выражающие свойства, характерные для этих лиц: « -aktig». Неологизм ungguttromaner «романы для юношей» означает книги с лёгким сюжетом о романтической истории любви с сильной женщиной.

Женщинам в мире романа приписываются совсем другие качества, что отражено в характеристиках и понятиях, образованных от слова женщина. Например, в возвратном глаголе с отделяемой приставкой «kvinne seg opp» «собраться с духом» (буквально «сженщиниться», в отличие от выражения в нормативном норвежском å manne seg opp). Как и глагол å frue «королевить» (по аналогии с å herske «царить»), он образован от существительного (kvinne и frue соответственно) безаффиксным способом. От последнего глагола образованы также существительное befruelse «самообладание» и ещё один

возвратный глагол å befrue seg «брать себя в руки». Таким образом, в самом языке закреплены якобы присущие исключительно женщинам властность, способность владеть своими чувствами, сдержанность. Кроме того, наречие søsterlig «по-сестрински» говорит об их честности и справедливости, а прилагательное (или наречие в зависимости от обстоятельств) dronninglig «королевский/по-королевски» (образовано от существительного dronning «королева») служит просто положительной или усилительной характеристикой: «hun moret seg dronninglig» - «она веселилась до упаду».

Неологизмы, обозначающие реалии мира романа.

Разумеется, перевернув гендерные роли в обществе, писательница не могла упустить из виду то, что при этом не могли не возникнуть новые явления и предметы, которым должно было найтись собственное название. К примеру, мужчины в романе не просто одеваются в то же, вот что и женщины в нашем мире. Брантенберг учитывает особенности их анатомии, придумывая для них аналог бюстгальтера, название которого по-норвежски сокращается просто до BH (brystholder) – PH. Когда маскулистское движение набирает силу, одной из их акций становится PH-brenning «сжигание пенисгальтеров», аллюзия на проводившиеся феминистками второй волны сжигания бюстгальтеров. Само маскулистское движение тоже порождает неологизмы: mannesak «мужской вопрос», mannesakspropaganda «пропаганда мужского вопроса», mannesaksmann «маскулист», mannekamp «мужская борьба». Все эти существительные образованы обычным способом: словосложение по шаблону уже существующего гендерно окрашенного слова с заменой элементов, указывающих на пол, на противоположные.

Отдел в магазине, в котором продаются PH, называется herretrikotasje – «господский трикотаж» по аналогии с dametrikotasje «дамский трикотаж».

Одной из черт, украшающих мужчину, является борода, которую они завивают на бигуди и украшают по особым случаям skjeggsommerfugler «бабочками для бороды», имеются в виду заколки, и skjeggbånd – «резиночками для бороды».

Кроме этого, писательница уделила внимание самой мужской анатомии: skamsekk «мошонка» (буквально «срамной мешок») называется так по аналогии с skamlepper «половые губы» и skambein «лобок». Главный герой романа, Петрониус, задаётся вопросом «Почему он называется срамным, что в нём такого постыдного?»

Валюта Эгалии называется matrarker, в отличие от большинства других неологизмов романа, этот не содержит ни замены гендерно окрашенного элемента, ни обыгрывания реалии норвежской жизни – настоящая валюта Норвегии называется kroner «кроны». Здесь, как и в слове kvindater «кандидатки», писательница привносит указание на гендер от себя, чтобы сделать повествование более идеологически насыщенным.Этот неологизм содержит намёк на слово matriarkat «матриархат».

Женская репродуктивная функция занимает важное место в устройстве эгалианского общества, большое внимание уделяется процессу родов. Для них строится специальный Fødepalasset «родильный дворец», в котором роды проходят как торжественная церемония со множеством приглашённых гостей - fødselsgjester. Неологизмы созданы путём основосложения от глагола å føde «рожать» и существительного palass «дворец» в определённой форме, первый - по аналогии с fødehjem «родильный дом».

Герд Брантенберг прорабатывает мир романа до мелочей, заменяя даже seigmenn «мармеладные человечки» на seigkvinner «мармеладные женщины», а коктейль Bloody Mary «кровавая Мэри» на Bloody Marius «кровавый Мариус», меняя женское имя на мужское.

Выводы по главе 3. 3

1. Самый часто используемый способ словообразования как в норвежском языке в целом, так и среди применяемых Герд Брантенберг

– слово- и основосложение. Второе место после него занимает суффиксальный способ, за ним следует безаффиксный.

2. Большая часть неологизмов в романе – существительные, обозначающие лиц. В этих неологизмах гендерно окрашенный элемент заменён на противоположный.

3. В основном писательница использует как шаблон для словообразования уже существующую в норвежском языке лексическую единицу.

4. Неологизмы в романе выполняют роль более наглядного изображения отзеркаленного в гендерном отношении общества, позволяя читателю с помощью отстранения обратить внимание на то, как глубоко общественное устройство переплетено с языком.

Заключение

Неологизмы являются неотъемлемой частью лексики любого языка, а изучение индивидуально-авторских неологизмов – одна из актуальных задач современной лингвистики. Авторские неологизмы представляют собой богатый материал в словообразовательном, функциональном и семантическом планах.

В ходе данной работы были рассмотрены авторские неологизмы, используемые в романе Герд Брантенберг «Дочери Эгалии». Этот роман является в буквальном смысле продуктом своей эпохи, его автор собрала в нём, пожалуй, все идеи, которыми занимались современные ей феминистки. Писательница знала об этом движении не понаслышке, она принимала в нём активное участие. Можно смело утверждать, что текст романа насыщен авторскими неологизмами, которые делают его язык чрезвычайно ярким и запоминающимся. В основе их создания лежит то стремление по-новому раскрыть перед читателем знакомые ему лексические единицы, показав их роль в доминировании одного пола над другим.

Для проведения анализа неологизмов в романе было рассмотрено само понятие неологизма и дана классификация словообразовательных типов, по которым они создаются в норвежском языке. Также, поскольку большая часть новой лексики в «Дочерях Эгалии» относится к категории феминитивов, было рассмотрено и это понятие.

В настоящей работе представлено подробное описание неологизмов, выявленных в романе. Также в ходе исследования была предпринята попытка классификации этих неологизмов с точки зрения их семантики и словообразовательного типа. Во многих случаях был проведен и анализ контекста, в котором неологизм был использован. Для более полного понимания контекста был также дан анализ самого романа.

Список использованной литературы

Электронные ресурсы

1. http://cyberleninka.ru/article/n/avtorskie-nominatsii-realiy-v-hudozhestvennom-tekste [ссылка проверена 15. 05. 2016]
2. http://ndla.no/nb/node/78357 [ссылка проверена 15. 05. 2016]
3. http://new.gramota.ru/spravka/letters/59-rubric-89 [ссылка проверена 15. 05. 2016]
4. http://www.kampdager.no/arkiv/kvinnekultur/litteratur/artikkel_overland.html [ссылка проверена 15. 05. 2016]
5. http://www.sprakradet.no/sprakhjelp/Skriverad/Kjoenn [ссылка проверена 15. 05. 2016]
6. http://www.sprakradet.no/Vi-og-vart/Publikasjoner/Spraaknytt/Arkivet/Spraaknytt_1997/Spraaknytt_1997_2/Utviklingstendenser_i_norsk_s/ [ссылка проверена 15. 05. 2016]
7. http://www.sprakradet.no/Vi-og-vart/Publikasjoner/Spraaknytt/Arkivet/Spraaknytt_1998/Spraaknytt_1998_3/Spraak_og_kjoenn/ [ссылка проверена 15. 05. 2016]
8. https://nbl.snl.no/Gerd_Brantenberg [ссылка проверена 15. 05. 2016]
9. https://prezi.com/f1lhkyh-9ord/hvordan-sprakbruk-kan-virke-diskriminerende-og-trakasserende/ [ссылка проверена 15. 05. 2016]

Научная литература

1. *Blakar, Rolv Mikkel*. Språk er makt. Revidert utg. Oslo: Pax, 1996.
2. *Engelstad, Irene mfl., red.* Norsk kvinnelitteraturhistorie. Oslo: Pax, 1988-90
3. *Faarlund J.T., Lie S., Vannebo Kj.I.* Norsk referansegrammatikk. Oslo, 1997.
4. *Fjeld, Ruth Vatvedt*: Kjønnsnøytral uttrykksform. Oslo: Kunnskapsforlaget, 1995.
5. *Ryen, Else (red.)*. Språk og kjønn. Oslo: Novus, 1976.
6. *Брагина А.А.* Неологизмы в русском языке. М., 1973

7. *Кубрякова Е. С.* Словообразование и его место в теоретической ономасиологии. // Языковая номинация. (Виды наименований). М., 1977.
8. *Лопатин В.В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973.
9. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание : учебник для филол. спец. вузов . -2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1987